

На правах рукописи

Ласточкина Екатерина Васильевна

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА

Специальность 10.01.01. — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2013

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Карпов Анатолий Сергеевич

Официальные оппоненты:

Селеменова Марина Валерьевна

доктор филологических наук, доцент

Московский городской университет

управления Правительства Москвы,

профессор кафедры социальной политики

Шуников Владимир Леонтьевич

кандидат филологических наук

Российский государственный

гуманитарный университет,

доцент кафедры теоретической и

исторической поэтики

Ведущая организация:

Московский городской педагогический
университет

Защита состоится «19» сентября 2013 г. в 16 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.32 при Московском государственном
университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

Доктор филологических наук,

профессор

Голубков Михаил Михайлович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Переплетение, «сплав» художественного и публицистического начал обнаруживается в произведениях целого ряда отечественных писателей второй половины XX века. В научных работах по данной теме многократно фигурирует терминологическое словосочетание «художественно-публицистическая ветвь русского реализма»¹, вершины которой - творчество А.И. Солженицына, В.Г. Распутина и В.П. Астафьева. Связь в творчестве этих авторов изящной художественности и некой коммуникативной жесткости, конкретности, присущей публицистике, является глубоко органичной, поскольку в этом заключается «сама природа их таланта»².

О взаимодействии художественного и публицистического начал можно говорить и применительно к прозаическому наследию С.Д. Довлатова, творчество которого довольно глубоко изучено современной наукой. Предметом исследования в диссертационных работах о Довлатове становились специфика юмора³, особенности повествования⁴, жанровые образования⁵ и коммуникативные стратегии⁶ в прозе писателя, интертекстуальность⁷. Исследователи сходятся во мнении, что стиль Довлатова сугубо индивидуален, исключителен, и характеризуют творческую манеру писателя как эссеистичную, намеренно дискретную, либеральную с этической точки зрения и т.д.

Между тем, с нашей точки зрения, одну из важнейших особенностей творческой манеры Довлатова, являющейся **предметом** нашего исследования, можно обозначить как проявление публицистического начала

¹ См.: Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов. – М., 2003.

² Малаховская М.В. Формы и функции публицистичности в поздней прозе В.П. Астафьева (1980 – 1990-е годы): автореф. дисс. ...канд. филол. н. – М., 2010. – С.5.

³ См.: Вознесенская О.А. Проза Сергея Довлатова. Проблемы поэтики: дисс. ...канд. филол. н. – М., 2000; Федотова Ю.В. Проза Сергея Довлатова: экзистенциальное сознание, поэтика абсурда: дисс. ...канд. филол. н. – Череповец, 2006.

⁴ См.: Баринова Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе (А. Битов, С.Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов): дисс. ...канд. филол. н. – Тверь, 2008;

⁵ См.: Власова Ю.Е. Жанровое своеобразие прозы С.Довлатова: дисс. ...канд. филол. н. – М., 2001.

⁶ См.: Погосян Н.В. Коммуникативные стратегии в прозе С. Довлатова («Ремесло», «Наши», «Чемодан»): дисс. ...канд. филол.н. – М., 2012.

⁷ См.: Вейсман И.З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: дисс. ...канд. филол. н. – Саратов, 2005.

в творчестве писателя. Публицистическая доминанта находит выражение как в собственно художественной прозе Довлатова, так и в его журналистских публикациях, и, наконец, в так называемой «филологической прозе». Последние два пласта мы объединяем термином «метапублицистика». Формы проявления публицистического начала в творчестве Довлатова составляют **объект** данного исследования.

Учитывая специфические свойства, имманентные публицистическому тексту (публицистичность в тексте реализуется прежде всего благодаря активной авторской позиции, повышенной эмоциональности, суггестивности, острой актуальности фактуры текста), **цель** нашего исследования можно обозначить как изучение присущих творческой манере Довлатова особенностей проявления в тексте публицистической доминанты.

Все сказанное обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

1. изучение основных социокультурных факторов развития творческой индивидуальности Довлатова, а именно – склонности писателя к «публицистической» интерпретации действительности;
2. характеристика своеобразия работы Довлатова в газете, особенно ярко проявившегося в пору сотрудничества в газете «Новый американец»;
3. определение особенностей радиопублицистики Довлатова;
4. выделение ярко выраженной публицистической доминанты как одной из ключевых черт поэтики художественной прозы Довлатова, рассмотрение основных проявлений публицистического начала в художественной прозе писателя;
5. выявление в эпистолярной и «филологической прозе» Довлатова публицистической составляющей.

Материалом исследования стали художественные (книга рассказов «Чемодан», повести «Зона», «Заповедник», «Компромисс», «Ремесло», «семейный альбом» «Наши») и публицистические произведения Довлатова

(очерки, входящие в состав «Колонок редактора», цикл радиоматериалов «Простые люди», радиоочерки «Тайна переписки», «Сергей Есенин»), эпистолярное наследие писателя и «филологическая проза» (тексты выступлений, лекций, рассказов на литературные темы).

Методология данного диссертационного исследования основывается на комплексном подходе, включающем использование биографического, историко-литературного, сравнительно-типологического, стилистического и сравнительно-типологического методов анализа.

Теоретико-методологической базой работы являются исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам теории публицистики (работы В.Г. Березиной, Н.Б. Ипполитовой, Л.Г. Кайды, Е.П. Прохорова, М.И. Стюфляевой, А.А. Тертычного, М.С. Черепанова и др.), особенностям языка публицистического текста (работы Н.И.Клушиной, Г.Я. Солганика и др.), специфике эпистолярного творчества (работы С.И. Гиндина, И.А. Лешутиной, Ф.А. Ноделя и др.) и «филологической прозы» (работы К.А. Кокшеневой, О.Ф. Ладохиной, В.И. Новикова и др.), проблемам поэтики Довлатова (работы И.Н. Сухих, А.Ю. Арьева, А.А. Гениса, И.З. Сермана, В.Д. Алейникова, В.П. Высева, Г.А. Доброзраковой, О.А. Вознесенской, Н.В. Погосьяна и др.).

Положения, выносимые на защиту:

- I. Значительное влияние на формирование «публицистического» мироощущения Довлатова оказали социокультурные условия, а именно – дух «шестидесятничества», популярность идеи индивидуализма и автономности существования личности (и, как следствие, популярность творчества американских писателей Э.Хемингуэя, У.Фолкнера и Ш. Андерсона), склонность к этическому либерализму, острый интерес к социальным и политическим коллизиям.
- II. С.Довлатов – создатель индивидуального публицистического стиля, отразившегося на формате газеты «Новый американец».

Главная заслуга Довлатова-редактора и наиболее яркого автора – налаживание «обратной связи с читателем», одним из «каналов» которой стали «Колонки редактора» - серия принадлежащих писателю очерков. Важнейшая особенность «Колонок» - интерактивность, проявившаяся в тематической «диверсификации» материалов, входящих в данную рубрику, тон интимного повествования, описание авторских перцептивных переживаний.

- III. Ориентация на аудиторию – наиболее значимая особенность радиопублицистики Довлатова. О стремлении к коммуникации со слушателем-реципиентом говорит композиционная и стилистическая адаптация текстов радиопередач писателя, их лаконичность и простота с точки зрения речевого оформления.
- IV. Наличие публицистической доминанты – одна из основных особенностей собственно художественной прозы Довлатова, играющая текстообразующую роль в целом ряде произведений писателя.
1. Главным публицистическим модусом в повести «Зона» являются «Письма к издателю». Их концептуальные особенности, имманентные публицистике - наличие утверждаемых автором идеологем, яркая коннотация как проявление суггестивного начала, использование «готовой» интерпретации как механизма убеждения.
 2. В книге рассказов «Чемодан» главную публицистическую нагрузку несет детализация. Художественная деталь в сборнике – эксплицитное отражение авторской позиции, носитель публицистической коннотации.
 3. Публицистическое начало в книге «Наши» обнаруживает себя прежде всего благодаря приему интимизации повествования, который является одним из публицистических средств и служит

минимизации коммуникативного расстояния между автором и читателем.

- V. Проявление публицистической доминанты обнаруживается в «метапублицистике» Довлатова, объединяющей эпистолярное творчество писателя и его «филологическую прозу». В «метапублицистике» Довлатова реализуется коммуникативно-прагматическая ось «Я - ТЫ» (ее характеристики - диалогизация, политематичность, полифункциональность текста, отражение особенностей речевого этикета, синтез элементов различных функциональных стилей), более всего свойственная собственно публицистическому тексту.
- VI. «Невидимое морализаторство» - универсалия творческой манеры Довлатова, суть которой состоит в соединении обыденного разговора с поучительными сентенциями, некой дидактической доминантой, что, с одной стороны, не ущемляет достоинства читателя, а с другой – позволяет автору воздействовать на него.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее содержания в специальных исследованиях, а также в лекционных курсах по истории русской литературы второй половины XX в., спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам развития литературы «третьей волны» эмиграции, в частности, творчества С.Довлатова.

Апробация работы проходила на VII Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире» (Краснодар, 2012), II Международной научно-практической конференции «Тенденции и перспективы развития современного научного знания» (Москва, 2012), V Международной научно-практической конференции «Язык и культура» (Новосибирск, 2013).

Основные положения диссертации нашли отражение в 8 публикациях, 4 из которых вышли в журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Структура диссертации определяется указанными целью, задачами и методологическими установками настоящего исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 225 наименований, и приложения, содержащего расшифровки радиопередач С.Довлатова. Объем работы – 227 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна работы, определены цели и задачи исследования, его теоретическая база и научно-практическая значимость.

Первая глава диссертации «Публицистика как “продукт” интерпретаторского мышления С. Довлатова» включает в себя несколько пунктов. В первом параграфе рассматривается проблема влияния социокультурной среды на формирование творческой индивидуальности С. Довлатова. Речь, в частности, идет о таких явлениях, характерных для 1960-1970 гг. (на это время пришелся процесс творческой самоидентификации Довлатова), как зарождение в сознании советской интеллигенции демократических идей; «шестидесятничество» с его концепцией индивидуализма, личности в себе; повышенный интерес к публицистике как к средству воздействия на массовое сознание. Именно в юности под воздействием среды и референтной группы (выдающихся поэтов и прозаиков, входивших в круг общения писателя) сформировался «публицистический темперамент» Довлатова, ставший ключевой особенностью его идиостиля.

Во втором параграфе основной является характеристика социально-психологических особенностей личности Довлатова, которые актуализировали «публицистический» взгляд писателя на реалии бытия. С юного возраста Довлатову были присущи такие черты, как обостренная наблюдательность, внимательность, непримиримое отношение к

человеческим порокам, склонность к рефлексии («поэтика умолчания»), - то, что обусловило публицистический темперамент писателя.

В третьем параграфе рассматривается собственно публицистическое творчество Довлатова в контексте эмигрантской публицистики 1970 - 1980-х гг., на которые пришелся расцвет публицистической деятельности писателя. Едва оказавшись на Западе, русские эмигранты «третьей волны», к которым принадлежал и Довлатов, стали стремиться к формированию собственного медиапространства. Активная работа представителей «третьей волны» по созданию собственных периодических изданий «объяснялось не только жадной самореализацией, желанием печатать в бесцензурных условиях тексты, обреченные в СССР на запрет, но и необходимостью самоопределения внутри русской диаспоры, сложившейся на протяжении XX века»⁸.

8 февраля 1980 г. в Нью-Йорке вышел первый номер еженедельника **«Новый американец»**, появление которого многие эмигранты-современники Довлатова называют естественным, закономерным. Это вызвано тем, что в конце 70-х – начале 80-х годов русскоязычная эмигрантская пресса была представлена (если не говорить о малотиражных изданиях) лишь старейшей газетой «Новое русское слово» (она выходила в течение 100 лет – с 1910 по 2010 гг.), не соответствовавшей притязаниям «новых» эмигрантов, их вольнодумному настрою.

Довлатов стал редактором газеты (спустя несколько месяцев после выхода ее первого номера), вдохнул в нее новую жизнь, реализовав свою **концепцию развития издания**, которая включала в себя работу над усовершенствованием контента и реализацию стратегии по расширению круга читателей газеты.

Слияние публицистической и художественной доминанты, характерное для прозы Довлатова в целом, проявляется и в его **радиопублицистике**. Радиосюжеты писателя более десяти лет выходили в эфире радиостанции

⁸ Скарлыгина Е.Ю. Журналистика русской эмиграции: 1960 - 1980-е годы. – М., 2010. – С.3.

«Свобода», которая была не только своеобразной трибуной «для опальных нонконформистов, тех, кому не было места в советской печати»⁹, но и коммуникативной площадкой, объединившей представителей эмигрировавшей советской интеллигенции.

В радиопублицистике Довлатов проявил себя как новатор, прежде всего, в области жанра. По мнению А. Гениса, «для радио Сергей придумал особый жанр. Он говорил не о прошлом и, тем более, не о будущем, а о настоящем России»¹⁰. В радиопублицистике писатель обнаруживает способность расширить границы самого примитивного бытового сюжета за счет введения в него (или, напротив, вычленения из его основы) некой философской составляющей. Довлатов видит концепцию, сакральный смысл в любой мелочи жизни – это неотъемлемая часть его творческой философии.

Вторая глава диссертации **«Публицистическое начало в художественной прозе С.Довлатова»** посвящена анализу повести «Зона», книг рассказов «Чемодан» и «Наши» с целью выявления в них публицистической доминанты.

Главным публицистическим модусом в «Зоне» являются «Письма к издателю». Здесь реализуется целая парадигма публицистических категорий, служащих решению центральной коммуникативной задачи автора – утвердить свой авторитет в глазах аудитории, убедить читателя в истинности своих суждений.

Концептуальные особенности писем, имманентные публицистике, таковы: наличие утверждаемых автором идеологем («Письма издателю» - способ утверждения заданных идейных концептов); коннотативный потенциал писем как проявление суггестивного начала; использование «готовой» интерпретации как механизма убеждения.

Типология идеологем в «Письмах издателю» может быть описана следующим образом: *творческие идеологемы* (в них писатель отстаивает

⁹ Ковалова А., Лурье Л. Довлатов. – СПб., 2009. – С.349.

¹⁰ Генис А. Сергей Довлатов на радио «Свобода»// <http://www.svobodanews.ru/content/article/263239.html>

свою творческую самобытность, характеризует свои идейно-эстетические установки, разъясняет особенности подхода к освещению лагерной темы и т.д. Так, в первом же письме Довлатов категорически отвергает малейшие попытки критиков сравнить его с Солженицыным: «Разумеется, я не Солженицын. Разве это лишает меня права на существование? Да и книги наши совершенно разные. Солженицын описывает политические лагеря. Я – уголовные. Солженицын был заключенным. Я – надзирателем»¹¹. Коммуникативный посыл, заданный автором, можно сформулировать так: «Довлатов – самобытный писатель»); «онтологические» (философские) идеологемы во многом перекликаются с творческими, поскольку большинство рассуждений автора о бытии (а именно – об особенностях мира зоны, о нравственном облике человека, меняющемся под воздействием обстоятельств и т.д.), носят характер иллюстраций к идеологеме о самобытности произведения, логически продолжают ее. Одна из «онтологических» идеологем в повести - «тюрьма – одна из бесчисленных разновидностей тирании, одна из форм тотального всеобъемлющего насилия»¹², и виновник тому – сам человек. Данная позиция противоположна видению проблемы, которое демонстрировали А.Солженицын и В. Шаламов; *политические идеологемы* часто являются логическим продолжением «онтологических»: лагерь – не просто специфическая форма бытия, это – модель государства, так как «здесь есть спорт, культура, идеология. Есть нечто вроде коммунистической партии»¹³.

Кроме наличия разного рода идеологем, публицистичность «Зоны» определяется ее открытой, эксплицитной оценочностью текста, что обнаруживается и в «Записках надзирателя», то есть, в собственно художественном корпусе книги.

Публицистическая доминанта в книге рассказов «Чемодан» обнаруживается, в первую очередь, благодаря коннотативной нагрузке

¹¹ Довлатов С.Д. Зона// Довлатов С.Д. Избранная проза. – СПб., 2007. – С.7.

¹² Там же С.76.

¹³ Там же С.107.

детали. С помощью специфической детализации Довлатов формирует в своих произведениях некое публицистическое пространство как «широкую область функционирования идей, мыслей, положений социального, политического, идеологического, мировоззренческого и т.п. характера»¹⁴.

Оценочное «укрупнение» детали рассматривается нами как сугубо публицистический прием, поскольку «социально-оценочная заостренность слова составляет наиболее существенную и глубинную особенность языка публицистики»¹⁵. Коннотация в публицистике – это фактически то же самое, что образность в художественной литературе, ведь оценочность «пронизывает все ярусы публицистических текстов»¹⁶.

Вещи, которые повествователь находит в чемодане, довольно точно характеризуют социальное пространство, а оно, повторимся, представляет собой не что иное, как содержательный каркас публицистики. В случае с «Чемоданом» характеризуется советская эпоха, точнее, эпоха будто бы сама рождает фабулу довлатовских рассказов. Так, история возникновения в гардеробе повествователя креповых финских носков горохового цвета, на самом деле, - история о тотальном дефиците товаров народного потребления, о «гонке» за заграничной одеждой, об экзотичной жизни фарцовщиков и о «плановом» существовании рядовых граждан, которые носят одинаковые костюмы, едят одинаковые котлеты, пролистывая журнал «Огонёк». Одним словом, проживают жизнь, так и «не поцарапав земной коры»¹⁷.

Детально и, что еще более важно, прямо и открыто рассказывая об устройстве советского общества, Довлатов с публицистической точностью очерчивает границы некоего социального пространства, в котором происходит борьба идей. По одну сторону баррикад оказываются те, которые стремятся жить лучше, и их единицы; по другую - «человеческий середняк» (именно так называет персонаж Довлатова рядовых граждан), продолжающий тянуть

¹⁴ Солганик Г.Я. Категория пространства в публицистике//Вестник Московского университета, 2003. - № 6. – С.34.

¹⁵ Солганик Г.Я. Выразительные ресурсы лексики публицистики//Поэтика публицистики. – М.,1990. – С.11.

¹⁶ Клушина Н.И. Язык публицистики: константы и переменные//Русская речь, 2004. - № 3. – С.52.

¹⁷ Довлатов С.Д. Чемодан// Довлатов С.Д. Встретились, поговорили. – СПб., 2008. – С.281.

лямку и не совершающий ничего, что могло бы выйти за рамки советских норм. За этими рамками, сетует фарцовщик Фред, остаются как негативные проявления жизни, так и позитивные – как преступления, так и подвиги. «Уж лучше жить минуту, но по-человечески!»¹⁸ - морализирует Фред, а на самом деле - автор, фактически выступающий с прямым призывом к читателю.

Помимо коннотативной детали, не меньшее значение для реализации публицистического начала в произведениях Довлатова имеет и **интимизация повествования**. Суть данного явления – в минимизации коммуникативного «расстояния» между автором и читателем, в результате чего их «беседа» становится, так сказать, интимной.

Интимизация изложения как публицистический прием широко используется Довлатовым, однако особое звучание «интимная», публицистически направленная проза, по нашему мнению, приобретает в книге «**Наши**» (1983). Это особое звучание в значительной мере предопределяет сам материал – истории из жизни семьи, которые, несмотря на их литературное переосмысление автором, априори носят сугубо личный, интимный характер. Довлатов открыт перед читателем. «Так разговаривают только с людьми, посвященными во все, что относится к жизни автора»¹⁹. В этом состоит одна из ведущих особенностей манеры Довлатова: каждый читатель для него становится здесь близким другом и ценным собеседником.

Основные средства создания «интимной» коммуникативной атмосферы в публицистическом произведении охарактеризованы Л.А. Булаховским: это - повелительные наклонения, приглашающие читателя подумать, взвесить, оценить сообщаемое автором; использование местоимений первого лица множественного числа; воображаемый диалог между читателем и автором, риторические вопросы²⁰.

¹⁸ Довлатов С.Д. Чемодан// Довлатов С.Д. Встретились, поговорили. – СПб., 2008. – С.281.

¹⁹ Зверев А. Записки случайного постояльца// О Довлатове: статьи, рецензии, воспоминания. – Тверь, 2001. – С.178.

²⁰ См.: Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М., 1954. – С.455 – 458.

Средствами достижения интимизации являются и указательные частицы, а также «модальные частицы и слова, вариантные морфологические формы, присущие разговорной речи, неофициальному общению»²¹ и играющие существенную роль в создании атмосферы дружеской беседы автора с читателем.

Перечисленные языковые средства интимизации повествования широко используются Довлатовым, причем зачастую они сконцентрированы в одном эпизоде, небольшом отрывке текста, когда автору особенно необходимо сопереживание аудитории, «погружение» читателя в литературный материал. Так, рассказывая об аресте своего деда Исаака, Довлатов делится болью, связанной с утратой близкого по духу человека. Авторская позиция в этом эпизоде выражается с помощью риторических вопросов и языковой игры: «Через двадцать лет отец стал хлопотать насчет реабилитации. Деда реабилитировали за *отсутствием* состава преступления. Спрашивается, что же тогда *присутствовало*? Ради чего прервали эту нелепую и забавную жизнь?..»²²

Прозаическое наследие Довлатова включает в себя не только художественные произведения, в которых нередко дает о себе знать публицистическое начало. В прозе писателя представлен также особый тип текста, который можно назвать «**метапублицистическим**». Обладая явным «публицистическим темпераментом»²³, такой текст все же не является собственно публицистическим. К «метапублицистике» мы относим, в первую очередь, эпистолярное творчество Довлатова и лекции (публичные выступления) писателя на литературные темы, которые можно объединить одним термином – «филологическая проза». Рассмотрению особенностей этого пласта творчества Довлатова посвящена **третья глава** диссертации – **«Эпистолярный и “филологическая проза” С.Довлатова: феномен “метапублицистического”»**.

²¹ Бельчиков Ю.А. Интимизация изложения//Русская речь, 1974. - № 6. – С.40.

²² Довлатов С.Д. Наши// Довлатов С.Д. Собр. соч. в 4 т. – СПб., 2006. - Т.2. – С.331.

²³ Довлатов С.Д. В жанре детектива//Довлатов С.Д. Собр. соч. в 4 т. – СПб., 2006. – Т.4. - С.368.

Эпистолярные произведения Довлатова рассматриваются нами как факт публицистического творчества. Изданные в конце 1990-х – начале 2000-х годов письма Довлатова, адресованные его родственникам, друзьям, коллегам, вызвали новую, довольно ощутимую вспышку интереса читателей и к личности, и к творчеству писателя, что вполне закономерно: эпистолярное наследие того или иного автора провоцирует на своеобразный культурный «вуайеризм», дает возможность более глубокого осмысления личности писателя, его индивидуальности.

Проявления публицистического начала в эпистолярной Довлатова многообразны. Известно, что обнародованные, вышедшие в виде книги письма того или иного литератора не воспринимаются уже как просто переписка. Именно такие изменения произошли, в частности, в связи с распространившейся практикой публикации в газетах, журналах, брошюрах коллективных писем граждан в 20-е - 30-е годы XX века. Само появление писем на страницах периодических изданий превращает их в «прочную составную часть публицистического инструментария»²⁴, поскольку их основная целевая установка – влиять на умы (не только конкретного адресата, но прежде всего - множества людей), побуждать к действию. Однако же и сам текст письма обретает некую публицистическую «предрасположенность», и здесь чрезвычайно важна предварительная (не только авторская, но и редакторская) обработка текста, рассчитанного на обнародование.

Эпистолярное творчество Довлатова вполне отвечает этому требованию: его письма нельзя назвать спонтанными, непродуманными, обращенными лишь к одному адресату в отличие от частных писем, как правило, содержащих массу информации сугубо личного характера. Писатель подвергал эпистолярный материал тщательной обработке. Об этом

²⁴ Винкель Х. «Эпистолярный жанр устарел». По поводу анахронизма одного жанра и его обновленной инсценировки//Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX в. – М., 2002. – С.216.

свидетельствует и тот факт, что он «писал с черновиком не только письма, но даже записки в два слова»²⁵.

Довлатов решительно шел к своему читателю, и письма для него были фактом литературного творчества. Этим объясняется и активность авторской позиции, которая наблюдается даже в сугубо личной переписке. Он и в этом случае остается писателем, выступая с предложениями, призывами, максимально используя приемы суггестии.

Наиболее ярко публицистическая доминанта выражена в письмах Довлатова, адресованных коллегам или друзьям, близким к литературной среде. Характерно, что одна из сквозных тем эпистолярного творчества Довлатова (она же – одна из самых болезненных) – размышления о сути и смысле творчества. «Для меня литература – выражение порядочности, совести, свободы и душевной боли, - признается Довлатов в письме Людмиле Штерн от 31 мая 1968 г. – Я не знаю, зачем я пишу...И я не уверен, что мои рассказы зарождаются именно во мне. Я их не создавал, я только записывал, мучительно подбирая слова, которые бы кое-как отвечали тому, что я слышу...»²⁶. Несмотря на доброе отношение к Штерн, в письмах Довлатова к ней мы находим и проявление открытого менторства («Запомни раз и навсегда: литература цели не имеет. Вернее, к ней применима любая цель, укладывающаяся в рамки человеческих надобностей (врач, учитель, конференсье и т.д.)»²⁷), а это уже имеет прямое отношение к публицистике.

Средства выражения авторской позиции в эпистолярной литературе в значительной мере обусловлены тем, кому адресовано письмо. В ряде случаев писатель позволяет себе «давить» на адресата своим авторитетом, открыто поучать его. Если же отношения с ним не столь близки и Довлатов не решается менторствовать, то его «я» выявляется более всего сдержанной иронией. Открытую оценку того, о чем идет речь, мы видим в одном из писем А. Арьеву: «Что делается с советской литературой? У нас тут прогремел некий

²⁵ Генис А. Метафизика ошибки/<http://archive.svoboda.org/programs/cicles/dovlatov/dovlatov.05.asp>.

²⁶ Малоизвестный Довлатов. – СПб., 1999. – С.294.

²⁷ Там же.

М. Веллер из Таллинна, бывший ленинградец. Я купил его книгу, начал читать и на первых трех страницах обнаружил: «Он пах духами» (вместо «пахнул»), «продляет» (вместо «продлевает»), «Трубка, коя в лавке стоит 30 рублей» (вместо «коия», а еще лучше - «которая»), «снизошел со своего Олимпа» (вместо «снизошел до»). Что это значит? Куда ты смотришь?»²⁸

Специфика диалогического контактирования автора с читателем в эпистолярной Довлатова также является проявлением публицистического начала.

В теории публицистики закрепилось убеждение, что «пульс» публицистического текста, его энергетика поддерживаются во многом благодаря интересу адресата и адресанта друг к другу. Этот интерес «обеспечивается насыщенностью диалога, возникающего между автором и аудиторией»²⁹. По справедливому замечанию Б.О. Кормана, «публицист постоянно озабочен уровнем своих контактов с аудиторией. Он всегда в поиске диалога с ней»³⁰.

Не менее полезен диалог и для «принимающей» сообщения стороны, ведь «увидеть, понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир»³¹.

Разумеется, в эпистолярной Довлатова нет и не могло быть места диалогу с читателем в прямом смысле этого слова, поскольку, во-первых, письма, хотя и имеют некий публицистический «заряд», все же не являются публицистикой как таковой, а во-вторых, это было бы слишком навязчиво. Тем не менее, письма Довлатова дают основания говорить о *диалогичности*, которая проявляется в перенесении «ряда признаков диалога в тексты, которые по форме своей монологичны»³². Иными словами, в тексте

²⁸ Малоизвестный Довлатов. – СПб., 1999. – С.367.

²⁹ Кудинова Л.В. Автор – текст – аудитория: проблемы диалога в публицистике: дисс. ... канд. филол. н. - Воронеж, 2009. – С.18.

³⁰ Корман Б.О. Практикум по изучению художественного произведения. – Ижевск, 2003. – С.17.

³¹ Бахтин М.М. Проблема текста. Заметки 1959 – 1961 гг. // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1986. – С.423.

³² Стеклова Т.И. Тенденция к диалогизации монологического текста на страницах современной прессы // Русский язык в СМИ <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=17642>

содержится некое подразумевание собеседника, что, в свою очередь, «способствует усилению восприятия информации аудиторией»³³.

В эпистолярной Довлатов реализует суггестивную публицистическую стратегию, включающую в себя несколько этапов: первый состоит в привлечении «внимания к ситуации, требующей общественной реакции»³⁴, второй – в том, что автор в той или иной форме дает собственную оценку происходящего. И, наконец, на третьем этапе происходит сближение публициста с адресатом информации «благодаря поиску доступного и понятного обоим языку»³⁵.

При изучении эпистолярия Довлатова обнаруживается авторское следование определенной коммуникативной схеме. Во всяком случае, в письмах присутствует и попытка привлечь внимание читателя к проблеме, которую Довлатов считает значимой, его оценка этой проблемы, и попытка найти с читателем общий язык за счет обоюдного интереса к проблеме. Даже в письмах, обращенных к друзьям, Довлатов остается литературным деятелем, с одной стороны, считающим возможным давать наставления своим коллегам, а с другой – как бы находящимся с ними наравне. «Никогда и никому, особенно – интеллигентным людям, не говори, что Бродскому далеко до Евтушенко, иначе тебя будут принимать за харьковчанина или, в лучшем случае, подумают, что ты перегрелся»³⁶, - советует Довлатов Н.Сагаловскому. Примечательно, что в одной фразе Довлатов ставит проблему, дает ей оценку и налаживает контакт с потенциальным читателем с помощью прямого обращения к нему.

Если анализировать тип довлатовского читателя на материале собственно публицистической части эпистолярия (отбросив личную переписку), получается, что идеальная аудитория Довлатова как бы не

³³ Кудинова Л.В. Проблема функционирования и восприятия публицистического текста аудиторией в условиях глобализации//Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации». – Воронеж, 2007. - С.49.

³⁴ Кудинова Л.В. Автор – текст – аудитория: проблемы диалога в публицистике: дисс. ... канд. филол. н. - Воронеж, 2009. – С.142.

³⁵ Там же.

³⁶ Довлатов С.Д. Письма к Науму Сагаловскому//Малоизвестный Довлатов. – СПб., 1996. – С.337.

способна ему оппонировать. Писатель формулирует свою мысль в письмах таким образом, как будто он уже заручился поддержкой адресата. Иными словами, в значительной части писем Довлатова незримо присутствует диалог – либо уже состоявшийся (Довлатов уже знает точку зрения читателя), либо происходящий в данное время.

Определенный «публицистический темперамент» имеют и «литературные отклики» Довлатова – произведения на литературные темы (рассказы, критические статьи, тексты публичных выступлений, лекции), которые можно объединить термином **«филологическая проза»**. Давая оценку писателю, книге или какому-либо литературному явлению, Довлатов выступает отнюдь не в роли критика – он, как и в художественной прозе, и в публицистике, активный исследователь жизни, не просто рассказывающий о ней, а убеждающий, доказывающий, провоцирующий читателя на определенную реакцию.

Значительная часть произведений Довлатова такого рода дает читателю возможность войти в мир, населенный литераторами: писатель приводит диалоги своих «собратьев» по перу, анализирует те или иные литературные явления, смотря на них не со стороны, и т.д. Невзирая на это, есть основания говорить о публицистическом начале и в «филологической прозе» Довлатова. Во-первых, многие произведения писателя, принадлежащие к этой жанрово-тематической группе, носят характер *отклика* на события, явления, факты, органически вписываясь в контекст публицистики. Так, рассказ **«Мы начинали в эпоху застоя»** - не что иное, как отклик на распространение в современной автору прессе ряда сомнительных клише: «казарменный социализм», «эпоха застоя», «административно-командная система». Довлатов выступает против подобных предрассудков, подчеркивая, что «культурная жизнь страны шире и многозначнее любого, самого выразительного стереотипа»³⁷.

³⁷ Довлатов С.Д. Мы начинали в эпоху застоя//Довлатов С.Д. Собр. соч. в 4 т. – СПб., 2006. – Т.4. – С. 315.

Рассказ лишен яркой публицистической эмоциональности (здесь нет риторических вопросов, восклицаний, эксплицитных призывов), однако авторское слово все же выполняет свою суггестивную роль благодаря концентрации идеологем, сосредоточенных в начале текста. Кратко обозначен предмет «разговора» и собственная позиция автора. Далее эти тезисы лишь подкрепляются фактами. Причем в центре повествования оказываются не столько сами факты, а отношение автора к ним. Таким образом, в рассказе ощутим имманентный для Довлатова публицистический эгоцентризм: его «Я» играет роль организующего начала в тексте.

Позиция автора активно выражена и в «филологических» произведениях Довлатова, посвященных тому или иному деятелю искусства. Львиная доля таких произведений, разумеется, о писателях. Но есть и исключения - в частности, рассказ **«Верхом на улитке»**, посвященный Михаилу Шемякину и написанный в публицистической манере – с иронией, энергично, хлестко. Публицистический тон повествованию Довлатов задает с первых же фраз: «Лично я воспринимаю успех Михаила Шемякина на Западе как персональное оскорбление. Его успех оглушителен до зависти, мести и полного твоего неверия в себя»³⁸. Обращает на себя внимание тот факт, что сразу же, помимо обозначения темы рассказа, вводится образ автора. Опять-таки личностное, субъективное начало здесь является доминирующим при отчетливо выраженной благосклонности автора к персонажу и ироническом отношении к самому себе: «Молодой, знаменитый, богатый, талантливый, умный, красивый и честный... Можно такое пережить без конвульсий? Не думаю...»³⁹

Совсем в иной – более сдержанной, серьезной - манере написан рассказ **«В жанре детектива»**, представляющий собой отклик на книгу М.Поповского «Дело академика Вавилова». В этом рассказе Довлатова особенно явно проявляется «нефилологический» статус автора: он оценивает

³⁸ Довлатов С.Д. *Верхом на улитке*//Довлатов С.Д. Собр. соч. в 4 т. – СПб., 2006. – Т.4. – С.334.

³⁹ Там же.

тот или иной литературный труд с точки зрения его пользы, значимости для культуры, общественности. Применительно к «Делу академика Вавилова» писатель говорит и об исторической значимости книги, которая, с точки зрения Довлатова, является детективом «в самом высоком и точном значении этого слова»⁴⁰, поскольку Поповский фактически расследовал преступление «самородка Лысенко и его мракобесов-коллег, которые при поддержке властей и самого Сталина загубили великого ученого и затормозили на долгие годы развитие нашей науки»⁴¹.

Мысль о том, что в русской литературе «можно обнаружить одновременно черты бесспорного величия и несомненного убожества»⁴², звучащий в рассказе «В жанре детектива», Довлатов развивает в лекции «**Блеск и нищета русской литературы**», прочитанной в университете Северной Каролины 19 марта 1980 г. и являющейся квинтэссенцией творческой программы Довлатова. Лекция Довлатова – не что иное, как развернутая эстетическая программа писателя, в которой говорится о его кумирах, о видении основных задач искусства, о соотношении литературы и философии и, что самое главное, - о причинах упадка русской литературы.

Свой взгляд на проблему Довлатов выражает со свойственной ему публицистической прямоотой. Тезисы, обозначаемые Довлатовым в лекции, воспринимаются как данность. Так, по мнению писателя, «русская литература, в отличие от европейской и американской литературы, с западной точки зрения литературой не является»⁴³ (речь идет о замене философии и религии литературой как о долговременной тенденции в отечественной истории), а гиганты русской прозы – Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь – стали жертвами «неудержимых попыток выразить себя в общественно-политических и духовно-религиозных сферах деятельности»⁴⁴.

⁴⁰ Довлатов С.Д. Верхом на улитке//Довлатов С.Д. Собр. соч. в 4 т. – СПб., 2006. – Т.4. - С.372.

⁴¹ Там же.

⁴² Довлатов С.Д. Блеск и нищета русской литературы// Довлатов С.Д. Речь без повода... Или колонки редактора. – СПб., 2006. – С.228.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же С.232.

Истинное призвание литератора – заниматься художественным творчеством, «исполненным достоинства и покоя»⁴⁵, как это делали Пушкин и Чехов.

О своих литературных предпочтениях Довлатов говорит и на лекции «Литература в эмиграции: третья волна», которая проходила в мае 1981 г. в Лос-Анджелесе. В частности, писатель признается в своей любви к американской прозе за ее «демократизм и отсутствие сословных барьеров», за «великую силу недосказанности», а также «за внятные и достижимые нравственные ориентиры»⁴⁶. Особенно обращает на себя внимание последний пункт: максимальная доступность основной мысли произведения, его идейная «прозрачность» - это то, к чему Довлатов стремился всегда и часто этого добивался.

Заключение содержит основные выводы, обобщающие проведенный в диссертации анализ.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях автора:

1. Ласточкина Е.В. Авторская позиция и способы ее выражения в повести С. Довлатова «Зона»// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика, 2012. - №2. – С.34 – 44.
2. Ласточкина Е.В. Интимизация повествования в книге Сергея Довлатова «Наши»// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. - №6. – С.114 – 116.
3. Ласточкина Е.В. Сергей Довлатов – редактор газеты «Новый американец»// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика, 2010. - №2. – С.52 – 60.
4. Ласточкина Е.В. Этапы мировоззренческого и идейно-художественного становления Сергея Довлатова// Вестник

⁴⁵ Довлатов С.Д. Блеск и нищета русской литературы// Довлатов С.Д. Речь без повода... Или колонки редактора. – СПб., 2006. - С.233.

⁴⁶ Довлатов С.Д. Продолжение «Невидимой книги» // Довлатов С.Д. Речь без повода... Или колонки редактора. – СПб., 2006. – С.247.

Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2012. - №1. – С.63 – 68.

5. Ласточкина Е.В. Пушкин как творческий ориентир Довлатова// Тенденции и перспективы развития современного научного знания: Материалы II Международной научно-практической конференции. – М., 2012. – С.222 – 225.
6. Ласточкина Е.В. Норма как центральная категория идейно-эстетической программы Сергея Довлатова// Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире: Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2012. – С.117 – 120.
7. Ласточкина Е.В. Коннотативная нагрузка детали в сборнике рассказов С.Довлатова «Чемодан»// Вестник Вологодского государственного педагогического университета, 2012. - №4. – С.56 - 59.
8. Ласточкина Е.В. Особенности диалогического контактирования автора с читателем в эпистолярной прозе Сергея Довлатова// Язык и культура: Материалы V Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. – С.101 – 106.